

**Состояние экспозиционной работы Бородинского
военно-исторического музея в середине 1930-х годов
(по материалам отчета П. Г. Рындзюнского)**

Работа Бородинского военно-исторического музея в 1930-е годы недостаточно исследована в отечественном музееведенииⁱ. Ценным источником по изучению музейного дела в СССР являются инспекционные отчеты головных организаций, связанные с состоянием производственной, экспозиционной и научно-исследовательской работы в подведомственных музеях. В Государственном архиве Московской области в фонде Московского областного отдела народного образования (Ф. 4341) сохранились отчеты за отдельные годы 20–30-х годов о состоянии подмосковных музеев, в том числе и Бородинского военно-исторического музея. Среди этих документов особо следует выделить отчет от 12–13 сентября 1936 г. старшего научного сотрудника Государственного исторического музея П.Г. Рындзюнского, впоследствии видного историка по российской истории XIX в., доктора исторических наук, сотрудника Института истории АН СССРⁱⁱ.

Отчет отличается тщательным анализом экспозиционной работы Бородинского музея, в нем критической оценке подвергаются критерии отбора, состава и размещения выставочных экспонатов, приводятся научные и методические рекомендации по усовершенствованию экспозиционной работы. Особую ценность представляет новый экспозиционный план, предложенный П.Г. Рындзюнским. По мнению автора этого плана, выставочная экспозиция Бородинского музея должна быть представлена разнообразным по своему составу, разновидностям и содержанию материалом, который отражал бы

предпосылки, ход и последствия Отечественной войны 1812 года. По этому поводу П.Г. Рындзюнский писал, что при подготовке экспозиции о Бородинском сражении необходимо «1) дать представление о составе военных сил противников по ходу сражения; 2) кратко показать весь ход войны 1812 года, военную тактику и технику начала XIX в.; 3) дать необходимые пояснительные сведения о причинах, вызвавших войну 1812 года и ее последствия, а также о социально-экономической обстановке, в которой она протекала». Автор отчета полагал, что «музей недостаточно хорошо разрешает первую и совсем неудовлетворительно – вторую и третью задачи, в особенности – последнюю»ⁱⁱⁱ.

Судя по отчету, в 1936 г. многочисленные материальные, изобразительные и письменные экспонаты музея были размещены в четырех залах в строгой хронологической последовательности: начало Отечественной войны 1812 года (первый зал), Бородинское сражение (второй зал), пожар Москвы (третий зал), конец войны и Западный поход русской армии (четвертый зал). Автор критически оценивает характер размещения экспонатов: тематическое несоответствие, перегруженность витрин малозначительными материалами, их дублирование. Как считал П.Г. Рындзюнский, прежде всего это касалось «портретов различных деятелей начала XIX в., которые составляют большую часть собрания музея; [они] недоходчивы до зрителя ввиду своего большого зрительного однообразия и почти полного отсутствия систематизации. <...> Кроме того, в портретах наблюдается особенно сильно повторяемость экспонатов (обычно по несколько портретов в одной комнате Кутузова, Александра I, Барклай де Толли и др.)».

Отчет П.Г. Рындзюнского довольно политизирован: все исторические события, связанные с Отечественной войной 1812 года,

рассматриваются с марксистско-ленинских позиций. Отчет готовился в тот период, когда в советской исторической науке марксистско-ленинская методология стала занимать ведущее положение. В 1930-е годы вышло специальное постановление Советского правительства «О преподавании истории в школе», были опубликованы «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» И.В. Сталина, А.А. Жданова и С.М. Кирова с их односторонней классовой оценкой исторических процессов. Отчет П.Г. Рындзюнского четко выдерживает эту идеологическую направленность. Так, он писал: «Отсутствие глубокой обработки [экспонатов] дает искаженную картину войны. В частности, она в большей мере отодвигает на задний план массы людей в ней участвовавшей за счет отдельных лиц, участие в войне которых... зачастую на деле не является значительным». Автор полагал, что второстепенными и излишними экспонатами являются «многочисленные венки, сделанные в 1912 году к столетнему юбилею войны... [которыми] увешана вся верхняя часть стен первого зала», а также фотоснимки и литографические иллюстрации к роману Л.Н. Толстого «Война и мир».

Резкой критике подвергнуто использование сотрудниками музея дореволюционных аннотаций при экспонировании материалов (такой прием автор отчета называет антинаучным). В качестве примера в отчете указано текстовое пояснение к иконе Смоленской Богородицы. Отметим, что подобного рода критика нашла отражение во многих инспекционных отчетах и по другим музеям^{iv}.

Особое внимание П.Г. Рындзюнский уделяет новой тематической экспозиции музея – «Совещание в Филях», подготовленной на базе поступивших экспонатов из упраздненного музея «Кутузовская изба». По поводу этой экспозиции в отчете отмечается, что она «страдает перегрузкой портретным материалом. Дано большое количество

портретов генералов (четыре портрета Кутузова на одной стене), но совсем не вскрыто главное: разница позиций участников совещания и ее групп, на которые они там разбились».

Автор отчета положительно оценивал попытку сотрудников музея отразить на выставке причины Отечественной войны 1812 года. Но состав и содержание отобранных для этой цели экспонатов вызывали у него серьезные сомнения. Им подчеркивается односторонний подход к этому вопросу. По его мнению, раскрываются лишь последствия участия России в континентальной блокаде против Англии. П.Г. Рындзюнский указывал на то, что, «во-первых, они (т. е. экспонаты) не связаны с остальным материалом, и, во-вторых, причины войны трактуются упрощенно, не связываются в экспозиции с конкретно-историческими факторами и с общественно-политической обстановкой в Европе»^У.

Особую позицию занял П.Г. Рындзюнский в вопросе о первоочередных задачах Бородинского музея. Руководство музея ставило цель «произвести расширение здания музея, пристройки нового помещения и освоения новых комнат в существующем здании музея, ранее не бывших в числе экспозиционных залов». И только после расширения производственных помещений музея планировалось начать работу по комплектованию запасников музея материалами и монтажу новой экспозиции. По мнению П.Г. Рындзюнского, необходимо в ближайшие два-три месяца произвести коренную перестройку всей экспозиции, а затем начать работу по сбору в музейное хранилище новых экспонатов. Обосновывая свое предложение, он указывал на то, что «в настоящее время музей не испытывает потребности к значительному расширению экспозиционного помещения, откладывание коренной перестройки музея до его пополнения значительным количеством новых экспонатов

грозит сохранить на продолжительное время существующую, в основном неудовлетворительную... экспозицию»^{vi}. Представляется, что позиция П.Г. Рындзюнского была ближе к реальной действительности. В 1937 г. представители Наркомпроса и Генштаба РККА писали в акте обследования Бородинского музея: «Директор музея и сторож живут в главном здании музея. Территория музейного участка захлавлена. Экспонаты нагромождены без всякой системы»^{vii}.

В отчете П.Г. Рындзюнского приводится и конкретный план реализации собственных предложений. Он считал, что новая экспозиция должна быть «построена из имеющегося материала музея с обязательным, количественно небольшим, пополнением из центральных музеев (фотоснимки и некоторые подлинные вещи из дублетных материалов ГИМ)». Далее автор отчета подчеркивал, что «новая экспозиция должна быть построена путем отсеивания из коллекции Бородинского музея всего, не имеющего научной ценности, материала и четкого распределения экспонатов по тематике... в правильной последовательности»^{viii}.

Предложенный П.Г. Рындзюнским проект экспозиционного плана Бородинского музея был подготовлен на высоком научном уровне, отличался всесторонним и комплексным охватом всей темы Отечественной войны 1812 года, с привлечением большого комплекса вещественных и письменных экспонатов из запасников как Бородинского музея, так и ГИМ.

Этот проект содержал 14 тем и подтем, связанных с предпосылками войны 1812 года, ее ходом, результатами и последствиями. Каждая предложенная тема сопровождалась аргументированным обоснованием, определением целей и задач, перечнем конкретных экспонатов. К плану прилагался чертеж расположения экспозиции по залам музея. Но в указанном отчете этот

чертеж не обнаружен.

Первый зал («А») в плане П.Г. Рындзюнского был посвящен международному положению Европы в начале XIX в., социально-экономическому и политическому развитию России и Франции, а также первому этапу Отечественной войны (до Бородинского сражения). Данная тема делилась на более мелкие разделы, связанные с революционной Францией 1789–1794 гг., становлением империи Наполеона, социально-экономическим положением России в эпоху Александра I. Из собрания Бородинского музея для экспонирования этой части выставки предлагалось выставить бронзовые фигурки солдат французской армии, мраморный бюст Наполеона I, его собственную печать, портрет маршала Даву, мраморный бюст Александра I, портрет участника войны 1812 года А. Тучкова и др. Из вещественных экспонатов П.Г. Рындзюнский советовал включить предметы, иллюстрирующие быт французского и русского дворянства начала XIX в. (мебельный гарнитур, фарфоровая посуда и т.п.). Среди письменных источников предлагалось выставить рескрипты Александра I о пожаловании А. Тучкову чина полковника, а затем генерал-майора.

Автор предлагал также включить особую подрубрику, посвященную состоянию помещичьей усадьбы и крестьянского двора в начале XIX в. Данный раздел должен быть представлен иллюстративным материалом (например, типовые портреты дворян и крестьян, репродукции с картин на темы о сдаче в рекруты, обучение солдат и др.).

Следующий раздел проекта экспозиции отражал участие России в третьей (1805 г.) и четвертой (1806–1807 гг.) антифранцузских коалициях, а также в континентальной блокаде. В качестве экспонатов рекомендовались разнообразные по своему составу материалы:

образцы обер-офицерской и гренадерской форм того времени, гравюры Л.Л. Беннигсена, сражения при Фридланде, литография встречи Наполеона I с Александром I на Немане в 1807 г., диаграммы и схемы экспорта товаров из России накануне и в период континентальной блокады.

Особый раздел плана отражал состояние и уровень развития военной техники России и Франции в начале XIX в. По мнению разработчика проекта экспозиции, Бородинский музей имел полный комплект основных видов оружия французской и русской армий; значительно слабее представлены запасники музея военной одеждой и амуницией. Среди экспонатов перечисляются солдатские сабли, пистолеты, эфес шпаги М.И. Кутузова, походная шкатулка Наполеона I, две легкие пушки, найденные на Бородинском поле, гренадерская форма, кивера и шлемы французских солдат и др.^{ix}

Важное место П.Г. Рындзюнский отводил начальному этапу войны 1812 года до Бородинского сражения. По его мнению, данный раздел экспозиции «должен вскрыть несостоятельность принятой оборонительной тактики, составленной по правилам старой прусской военной тактики, борьбу представителей прогрессивного круга с консервативным в среде командного состава армии». Экспонаты раздела представлены картографическими материалами (карта наступления войск Наполеона I, план Дрисского укрепления русской армии), актовыми источниками (манифесты Александра I и Святейшего Синода), литографиями (в частности, Смоленского сражения), портретами М.И. Кутузова, М.Б. Барклая де Толли, П.И. Багратиона.

Завершали экспозиционный план зала «А» экспонаты, связанные с боевым столкновением двух армий 24 августа при с. Шевардино. П.Г. Рындзюнский полагал, что в этой части экспозиции целесообразно поместить картину Ф. Рубо «Атаки Шевардинского редута», портреты

Сиверса, Понятовского, Мюрата и др.

Экспонаты второго зала («Б») непосредственно посвящены Бородинской битве. По мнению П.Г. Рындзюнского, основным экспонатом в этой части выставки должен стать макет Бородинского сражения. В отчете содержится интересная информация о сохранности этого макета, который требует предварительной «реставрации, покраски, восстановления утерянных фигур солдат, замены крупных надписей более мелкими, по возможности исправление неточностей, вкравшихся при его создании». Кроме упомянутого макета, П.Г. Рындзюнский предлагал включить в эту часть экспозиции шесть картин Ф. Рубо, посвященных Бородинской баталии, полотно художника В. Верещагина «Конец Бородинского боя».

Учитывая многообразный состав и содержание экспонатов, автор проекта предлагал ряд интересных методических рекомендаций по поводу их размещения. По его мнению, экспонаты, отражающие «самые основные моменты сражения», должны располагаться в центре зала, а второстепенные — в столах-витринах. К основным эпизодам Бородинского сражения П.Г. Рындзюнский относил атаки французских войск на Семеновские флеши, Семеновский овраг и батарею Раевского, кавалерийскую атаку М.И. Платова и Ф.П. Уварова на левый фланг французской армии и сражение при деревни Утицы.

Особый интерес вызывает методический совет автора проекта по поводу размещения многочисленных портретов, из которых «желательно оставить только несколько лиц, имеющих действительно важное значение в ходе боя, избегая здесь излишних повторений. Некоторые мелкие портреты, может быть, вмонтировать в сами схемы»^х.

Последующий зал («В»), на взгляд П.Г. Рындзюнского, должен быть посвящен ходу военных действий, происходивших после

Бородинской битвы. В эту часть экспозиции автор проекта включает такие события, как военный совет в Филях, пожар в Москве, отступление французской армии, партизанское движение, заграничный поход русской армии. Определяя общий композиционный замысел экспозиционного раздела «Совет в Филях», автор исходит явно из классовых позиций, сложившихся в то время в советской историографии. Так, оценивая деятельность высшего командного состава русской армии в вопросе о судьбе Москвы и о новом генеральном сражении, П.Г. Рындзюнский особо акцентирует внимание на постоянные интриги внутри его (т.е. командования – *М.П.*), которые были характерны для старой армии»^{xi}.

Из экспонатов этого раздела автор рекомендует поместить картину художника А. Кившенко «Военный совет в Филях», портреты участников совета, воззвания Ф.Н. Ростопчина к москвичам, литографию «Суд над Верещагиным» и т.д.

По разделу «Пожар Москвы и отступление французской армии» среди предложенных экспонатов упомянуты картины художников Верещагина, Кардевского, Фабер дю Фора и др. («Пожар Москвы», «Французы в Москве», «Расстрел поджигателей» и др.), гравюры («Сражение при Малом Ярославце», «Отступление французской армии», «Переход через реку Березину» и др.), карты и схемы, портреты (например, Д. Давыдова), документы (в частности, приказ Бертье о запрещении мародерства со стороны французских солдат).

Заключительный раздел экспозиционного плана зала «В» включал такие темы, как «заграничный поход русской армии», «международная реакция» и «солдатское движение первой половины XIX в.»

По мнению автора проекта, этот период характеризовался «освободительной борьбой покоренных западноевропейских

государств против наполеоновских захватчиков». Из запасников музея П.Г. Рындзюнский рекомендовал использовать, например, картины («Прощание Наполеона с войском», «Сражение при Ватерлоо»), художественную вышивку («Русские офицеры в немецкой деревне»), гравюры («Освобождение Европы»), карикатуры («Крестовый поход реакции»).

В отчете П.Г. Рындзюнского большое внимание уделено комплексу экспозиционного материала, который «представляет политико-просветительскую значимость, но связанный с темами, имеющие побочный характер». Среди этой группы экспонатов он выделял иллюстративный материал, посвященный открытию Бородинского мемориала в 1839 г., подлинные вещи игуменьи Спасо-Бородинского монастыря М.М. Тучковой. Касаясь судьбы коллекции М.М. Тучковой, П.Г. Рындзюнский писал: «Вещи Тучковой хранятся в ее деревянном домике в монастыре, небольшая их часть уже взята в музей. Сохранять эти вещи в доме нецелесообразно, так как требует дополнительных средств на ремонт и охрану». Интересную информацию приводит П.Г. Рындзюнский о составе коллекционного материала игуменьи Марии. Были упомянуты «портреты митрополита Филарета Московского и других политических деятелей, портрет Тучковой до пострижения в монахини, письмо к ней Коновницына, вериги, разрешение на основание монастыря, портрет Тучковой-игуменьи, подаренной Тучковой императрицей, часть мебели и другие мелкие вещи». Автор отчета полагал, что указанные материалы целесообразно разместить в четвертом экспозиционном зале («Г») Бородинского музея^{xii}.

В целом отчет П.Г. Рындзюнского является ценным источником по изучению методики и практики музейного дела СССР в 1930-е годы. Этот документ позволяет восстановить часть экспозиции Бородинского

музея 70-летней давности. Разработанный автором экспозиционный план с обстоятельными объяснениями и предложениями для постоянно действующей выставки является одним из первых научно обоснованных методических материалов, которые стали базовым источником всей последующей экспозиционной работы Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Горбунов А.В. Бородинское поле – уникальная историческая территория // Бородинское поле: История. Культура. Экология. М., 1995.

ⁱⁱ ГАМО. Ф. 4341. Оп. 4. № 76. Л. 67–74.

ⁱⁱⁱ Там же. Л. 67.

^{iv} Прохоров М.Ф. Из истории музея «Кутузовская изба» в 1920-е годы // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. М., 2001.

^v ГАМО. Ф. 4341. Оп. 4. № 76. Л. 67.

^{vi} Там же. Л. 68.

^{vii} Горбунов А.В. Указ.соч. С. 18.

^{viii} ГАМО. Ф. 4341. Оп. 4. № 76. Л. 68.

^{ix} Там же. Л. 69.

^x Там же. Л. 70.

^{xi} Там же. Л. 71.

^{xii} Там же. Л. 73–74; Анфилатов В.Е. Иконография игуменьи Марии// Бородинское поле: История. Культура. Экология. Можайск, 2000.